

УДК: 904.5 (477.72)“6385”

Е.С. Дзনেладзе, Д.Н. Сикоза, А.В. Симоненко

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В МОГИЛЬНИКЕ КРАСНЫЙ МАЯК НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Статья посвящена публикации и реконструкции убора воина из погребения 121 позднескифского некрополя Красный Маяк на Нижнем Днепре, исследованного Позднескифской археологической экспедицией ИА НАН Украины в 2014 г.

Ключевые слова: позднескифская культура, сарматы, Красный Маяк, Нижний Днепр, воин, меч, вооружение, реконструкция, убор, костюм.

В 2011 г. Позднескифская археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины возобновила раскопки позднескифского могильника Красный Маяк, эпизодически проводившиеся в 1976—77 и 1986—88 гг. Э.А. Сымоновичем и О.А. Гей. В полевом сезоне 2014 г. было исследовано три могилы. В статье публикуется катакомба 121, содержащая захоронения воинов¹.

Могила располагалась в северо-восточной части могильника, в окружении других погребений. Входная яма прямоугольная, ориентирована по оси СВ—ЮЗ, размерами 2 × 1 м. Дно наклонное, от отметки — 218 у южной стенки до — 248 у входа в камеру. Вход в камеру закрыт плитой известняка размерами 0,72 × 0,7 × 0,14 м, подпертой снизу тремя небольшими камнями (рис. 1, 1), расположен в северной стенке входной ямы, имел закругленный свод и плоское дно. Ширина входа около 0,6 м (рис. 1, 2). Дно входной ямы обрывалось в ка-

меру вертикальной ступенькой высотой 0,48 м (рис. 1, 3).

Во входной яме обнаружены два наконечника стрел (1, 2) и наконечник копья, лежавший острием в сторону погребальной камеры (3). При сооружении могилы 121 ее входная яма повредила более раннюю катакомбу погребения 120, поэтому эти вещи могут относиться и к нему.

1, 2. Железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (2 экз.). На одном из них лопасти срезаны под тупым (рис. 2, 1), на втором — под прямым углом к короткому черенку (рис. 2, 2). Длина головки 2,6 см.

3. Железный втульчатый наконечник копья с лавролистным, узким, ромбическим в сечении пером и цилиндрической втулкой. Длина пера около 15 см, втулки 11 см (рис. 2, 3).

Камера могилы 121 трапециевидная в плане, ориентирована по оси В—З, размерами 2,2 × 17 м, дно на глубине — 295 от условного 0. На дне камеры вытянуто на спине, головами на СЗ лежало трое погребенных: два подростка и взрослый мужчина (рис. 3). Судя по четкому следу тлена, умершие были похоронены в деревянных гробах с четырехугольными в сечении ножками. Кости и дерево почти не сохранились, превратившись в тлен.

Скелет 1 (мальчик-подросток) лежал у входа в камеру. В изголовье находился наконечник копья (1). На поясе поперек тела, рукоятью к входу лежал меч (2). На груди расчищены фибула (3), подвеска (5) и четыре бусины (4а—г). Еще одна бусина находилась ниже таза (4д), рядом с ножом (6).

1. Железный втульчатый наконечник копья с узким листовидным, линзовидным в сечении пером и втулкой средней длины (рис. 4, 1).

1. Предварительную публикацию см. Симоненко, Сикоза, Дзনেладзе, 2015, с. 40—45, рис. 127, 130—136. Описание вещей в данной статье сделано после реставрации и несколько отличается от первой публикации.

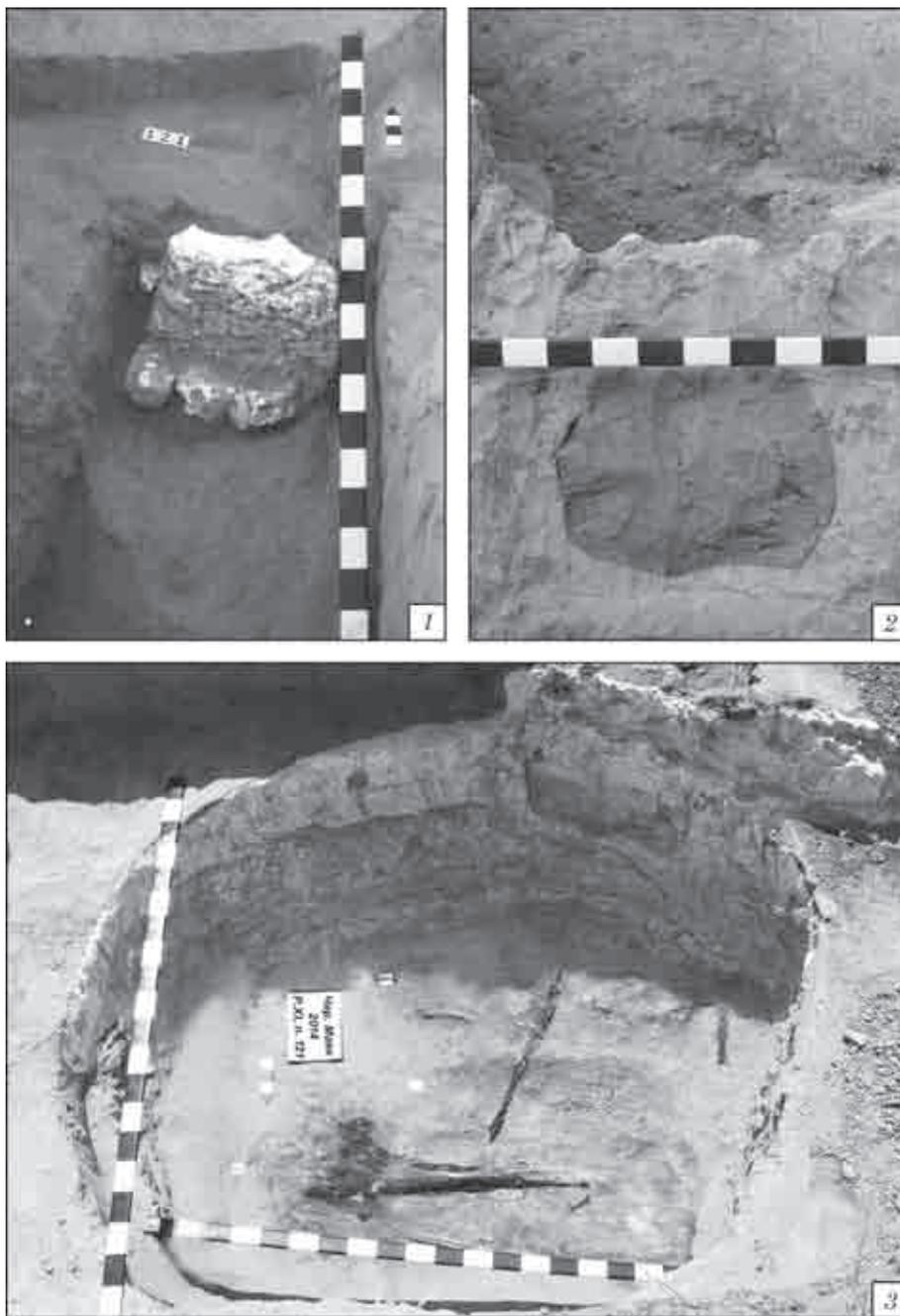

Рис. 1. Погребение 121: 1 — входная яма и заклад входа в камеру; 2 — входное отверстие (вид из камеры); 3 — камера погребения

Перо согнуто при переходе во втулку. Длина пера 16 см, максимальная ширина 3,5 см, длина втулки 10 см, диаметр 2,5 см. Во втулке — остатки дерева от древка.

2. Железный меч с черешковой рукояткой, без металлического перекрестья. Клинок длинный, обоюдоострый, линзовидный в сечении, длиной 73 см, шириной у пяты 4 см. Пята переходит в черенок под тупым углом (рис. 4, 2). Длина черенка 9 см. На черенке и клинке — остатки дерева от ручки и ножен, покрашенных в красный цвет.

3. Проволочная одночленная фибула с треугольно изогнутой спинкой и длинным при-

емником, переход в который украшен гравированными линиями. Спинка украшена едва намеченными бусинами. Конец приемника имеет заостренный выступ. Пружина 4-витковая, тетива нижняя (рис. 4, 3; 5, 1; см. цв. вкл.). Длина 3,8 см, высота 1 см.

4. Бусы:

а) цилиндрическая ребристая бусина из глухого белого стекла. Длина 14 мм, диаметр 15 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 2а; см. цв. вкл.);

б) сферическая бусина из бирюзового египетского фаянса. Длина 16 мм, диаметр 18 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 2б; см. цв. вкл.);

в) полихромная округлая поперечно-сжатая ребристая бусина из темно-зеленого стекла со светло-желтой спиралевидной полосой. Длина 10 мм, диаметр 16 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 2в; см. цв. вкл.);

г) округлая поперечно-сжатая бусина из голубого египетского фаянса со слегка намеченными насечками, которые имитируют дольки (рис. 5, 2г; см. цв. вкл.);

д) меловая бусина неправильной бочковидной формы. Длина сторон 16 и 7 мм, диаметр 13 мм, диаметр канала 7 мм (рис. 5, 2д; см. цв. вкл.).

5. Бронзовая подвеска в виде петли 19 × 29 мм. Сделана из спинки сильно профилированной фибулы причерноморского типа с двумя слегка заметными бусинами на спинке и кнопкой на конце приемника (рис. 4, 4).

6. Железный нож с горбатой спинкой и черенком с остатками деревянной ручки. Ширина клинка 0,8 см (рис. 4, 5).

Скелет 2 (мальчик-подросток) лежал почти в центре камеры, между скелетами 1 и 3. Поперек его таза находилась нижняя часть клинка меча скелета 1. На груди найдены фибула (1) и бусы (2), на тазу — пряжка (3), у левой руки — нож (4).

1. Бронзовая одночленная сильнопрофилированная фибула западного типа с бусинами у основания, посередине спинки и на конце

приемника. Пружина 8—витковая, с нижней тетивой. Приемник достаточно высокий. Длина 2,8 см, высота 1,3 см (рис. 4, 6; 5, 3; см. цв. вкл.).

2. Бусы:

а) цилиндрическая ребристая бусина из глухого белого стекла, аналогичная бусине скелета 1. Длина 15 мм, диаметр 15 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 4а; см. цв. вкл.);

б) цилиндрические ребристые бусины из глухого синего стекла — 2 экз. Длина 11 и 13 мм, диаметр 15 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 4б, в; см. цв. вкл.);

в) округлая голубая фаянсовая бусина со слабо выделенными ребрами. Длина 13 мм, диаметр 15 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 5, 4г; см. цв. вкл.);

г) бронзовая ребристая бочковидная бусина. Каждое из 5 ребер украшено тремя шишечками. Длина 13 мм, диаметр 11 мм, диаметр канала 6 мм (рис. 4, 7; 5, 4д; см. цв. вкл.).

3. Фрагментированная серебряная пряжка с овальной проволочной рамкой и подвижным язычком. Размерами 1 × 0,8 см (рис. 4, 8).

4. Железный черешковый нож с прямой спинкой (рис. 4, 9). На черенке — остатки дерева. Длина черенка 3,5 см, ширина клинка 1,5 см.

Скелет 3 (взрослый мужчина) лежал под дальней стенкой камеры. На груди найдены

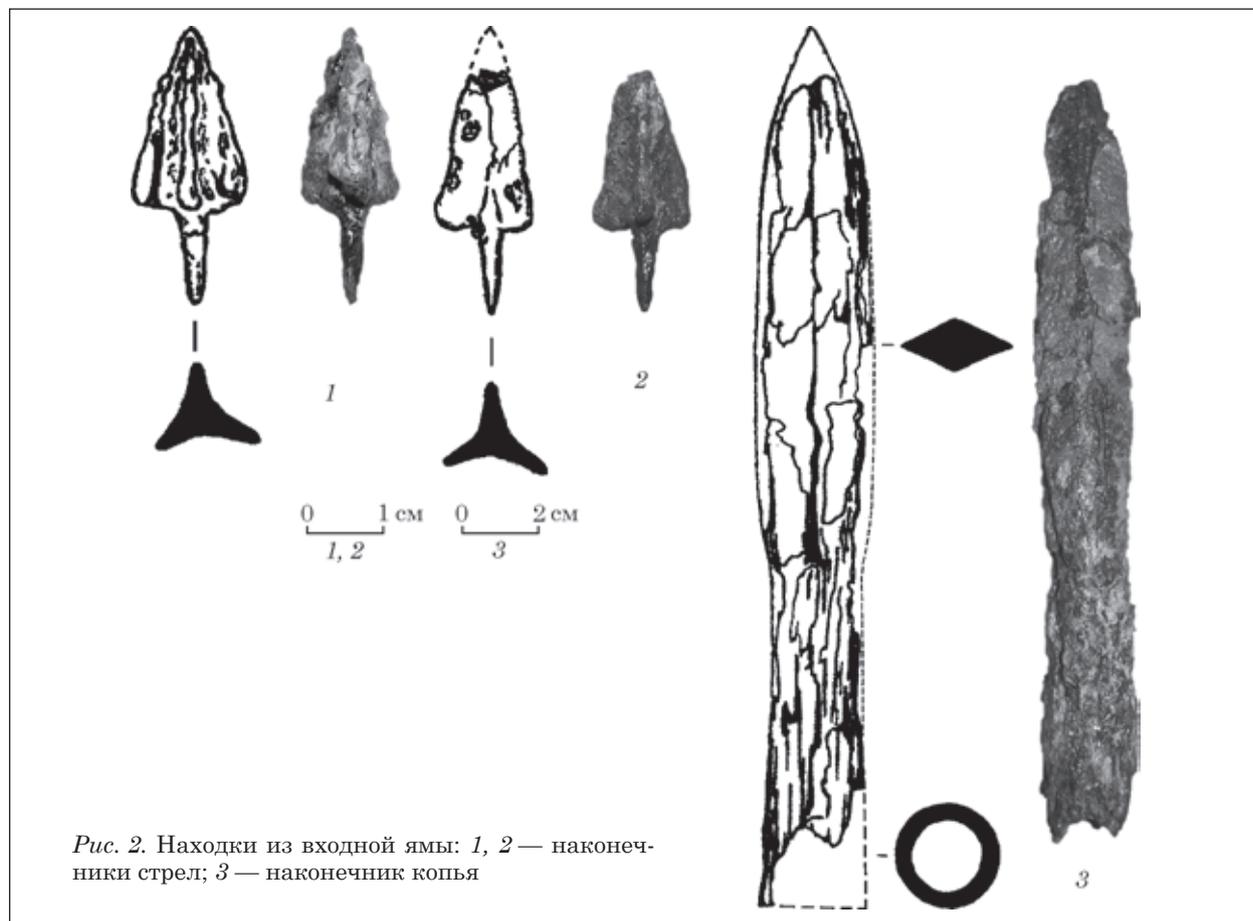

Рис. 2. Находки из входной ямы: 1, 2 — наконечники стрел; 3 — наконечник копья

фибула (1) и бусы (8а, б). Вдоль правой стороны, вплотную к телу, просто на костях руки и ноги лежал длинный меч (2), рядом с ним — остатки нагайки (4), вдоль бедра (вероятно, пристегнутый к нему) — кинжал (3), рядом — железные обоймы (5). На правое запястье был надет бронзовый браслет (6). На тазу найдена железная гарнитура пояса — парные пластины и наконечники ремней (7). У правого колена лежали бусина и подвеска из мела с отверстием (8). На палец правой руки был надет железный перстень (9).

Стопы погребенного перекрывало подквадратное темно-коричневое пятно тлена органического вещества (кожа?), размерами примерно 40 × 40 см. Среди тлена встречались маленькие пластинки золотой фольги, которые, вероятно, были нашиты или наклеены на кожаное изделие.

Среди тлена были найдены фрагментированные пряжки (10, 11), алебастровые бусины (12), удила (13), псалии (14), чомбурный блок (15), кольцо (16). Похоже, что там лежала уздечка.

1. Бронзовая сильнопрофилированная фибула. Основа спинки высоко поднята и оформлена бусиной и крючком для тетивы. Круглая в сече-

нии ножка резко сходит к приемнику, посередине украшена рельефным кольцом с перехватами с обеих сторон. Ниже кольца ножка становится ромбической в сечении, с выраженным продольным ребром и точечным орнаментом. Приемник высокий, украшенный биконической бусиной. Пружина длинная, 10—витковая, с железной осью и верхней тетивой. Длина 6 см, высота 2,8 см (рис. 6, 1; 5, 5; см. цв. вкл.).

2. Железный меч с черешковой рукояткой, без перекрестья. Клинок обоюдоострый, линзовидный в сечении, длиной 90 см, шириной у пяты 5 см. Пята переходит в черенок под тупым углом (рис. 6). Черенок 28 см длиной, закругленный в сечении, сужающийся к концу. На конце черенка — навершие из двух железных шайб: нижней цилиндрической, 1,7 см диаметром и верхней бочковидной, с поперечной серебряной инкрустацией, 2,5 см диаметром (рис. 6, 2а). На черенке и клинке — остатки дерева от ручки и ножен, окрашенных в красный цвет.

Примерно посередине клинка обнаружена железная скоба от ножен, лежавшая между мечом и кинжалом. Она выкована в виде приземистой

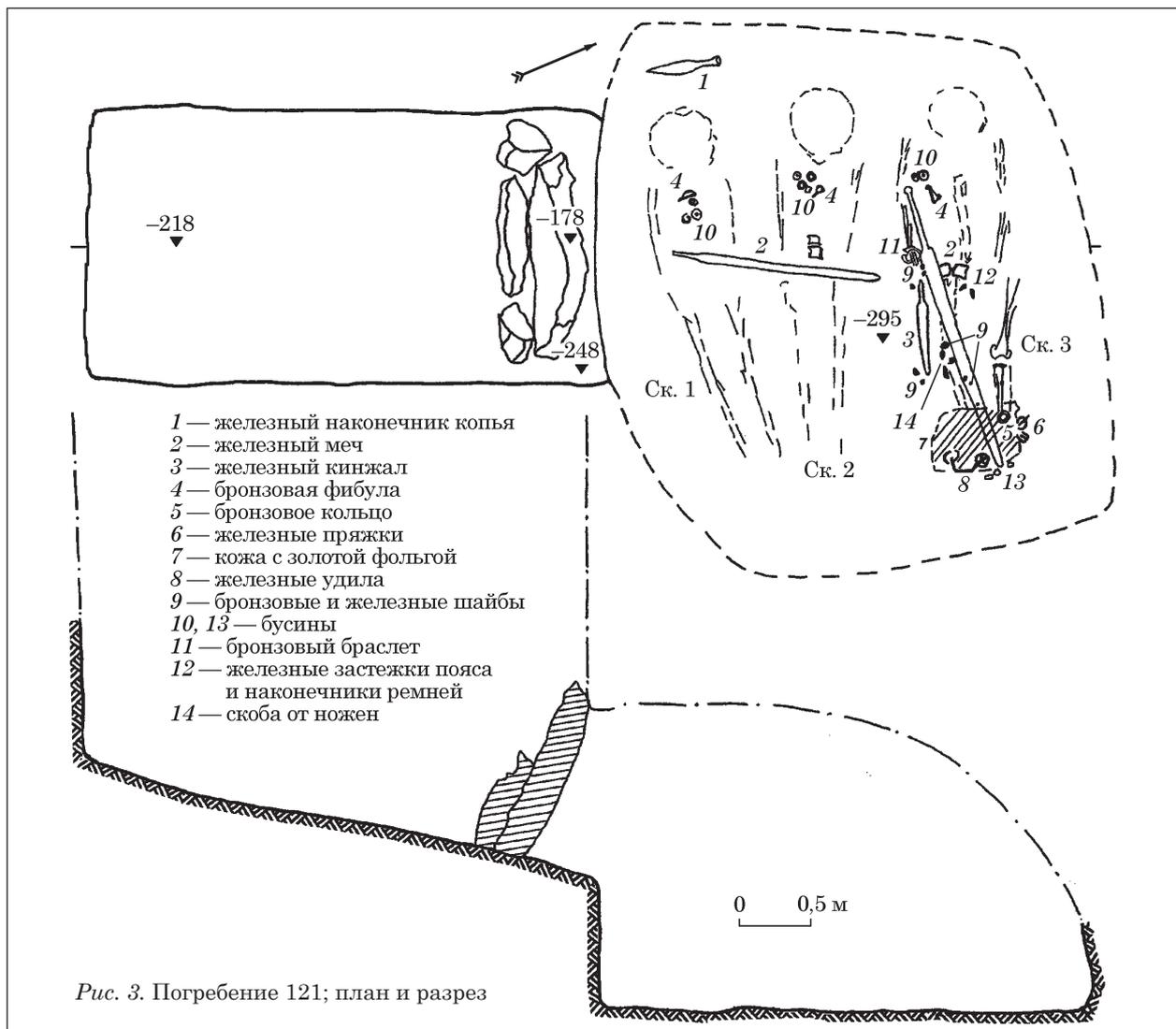

Рис. 3. Погребение 121; план и разрез

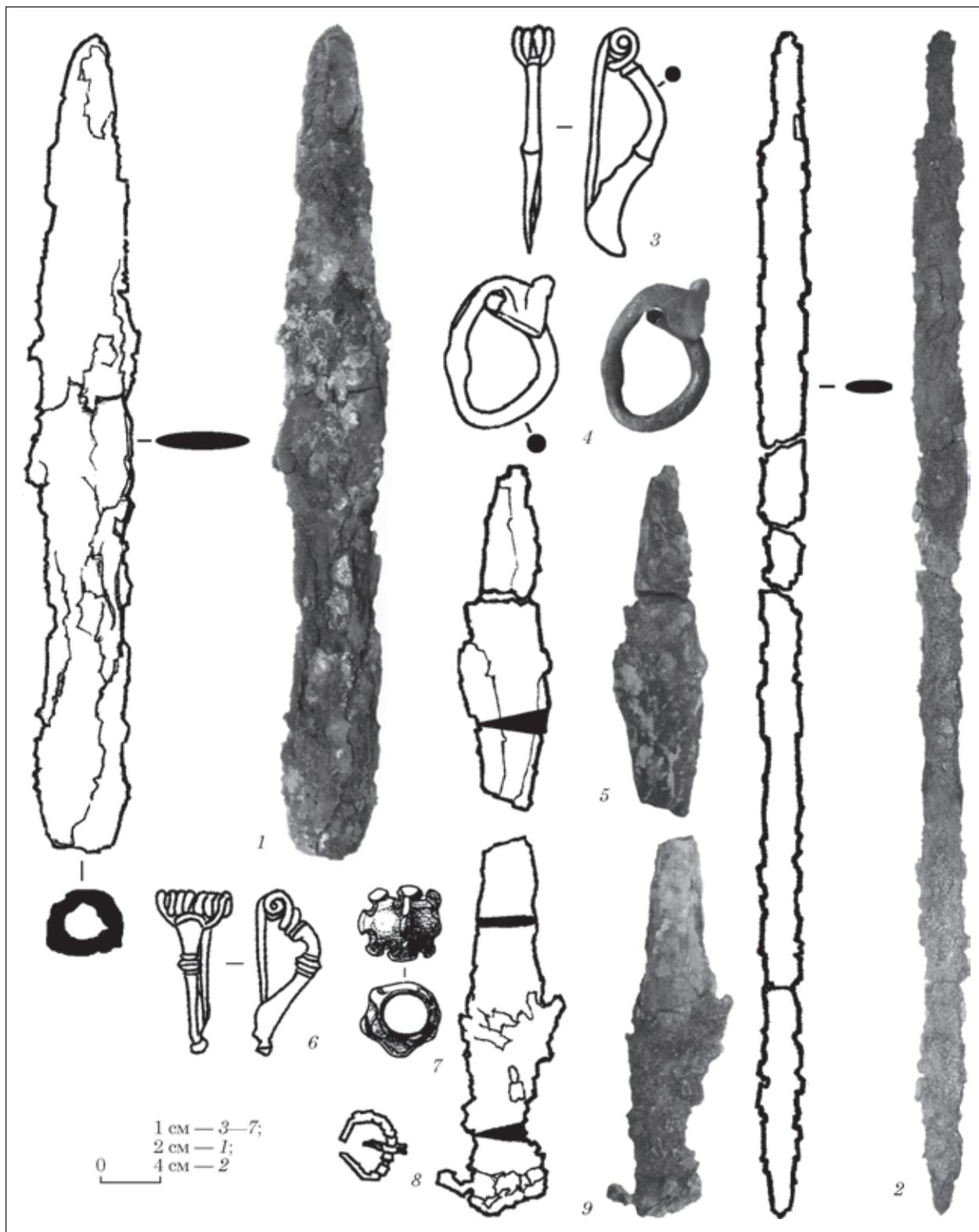

Рис. 4. Инвентарь погребения: скелет 1: 1 — наконечник копья; 2 — меч; 3 — фибула; 4 — подвеска из фибулы; 5 — нож; скелет 2: 6 — фибула; 7 — бронзовая бусина; 8 — серебряная пряжка; 9 — нож

буквы П с длинной перекладной. Концы скобы отогнуты под прямым углом. Верхний конец расширенный и закругленный, нижний — заострен. Внешняя поверхность скобы инкрустирована поперечными вставками серебряной проволоки и двумя позолоченными овальными медальо-

нами — один у основания петли, второй — на ее конце (рис. 6, 2б). Длина скобы 15 см, длина петли для ремня 6 см, высота ее 3 см.

3. Железный кинжал с черешковой рукояткой без металлического перекрестья. Клинок обоюдоострый, длиной 17 см, линзовидный в

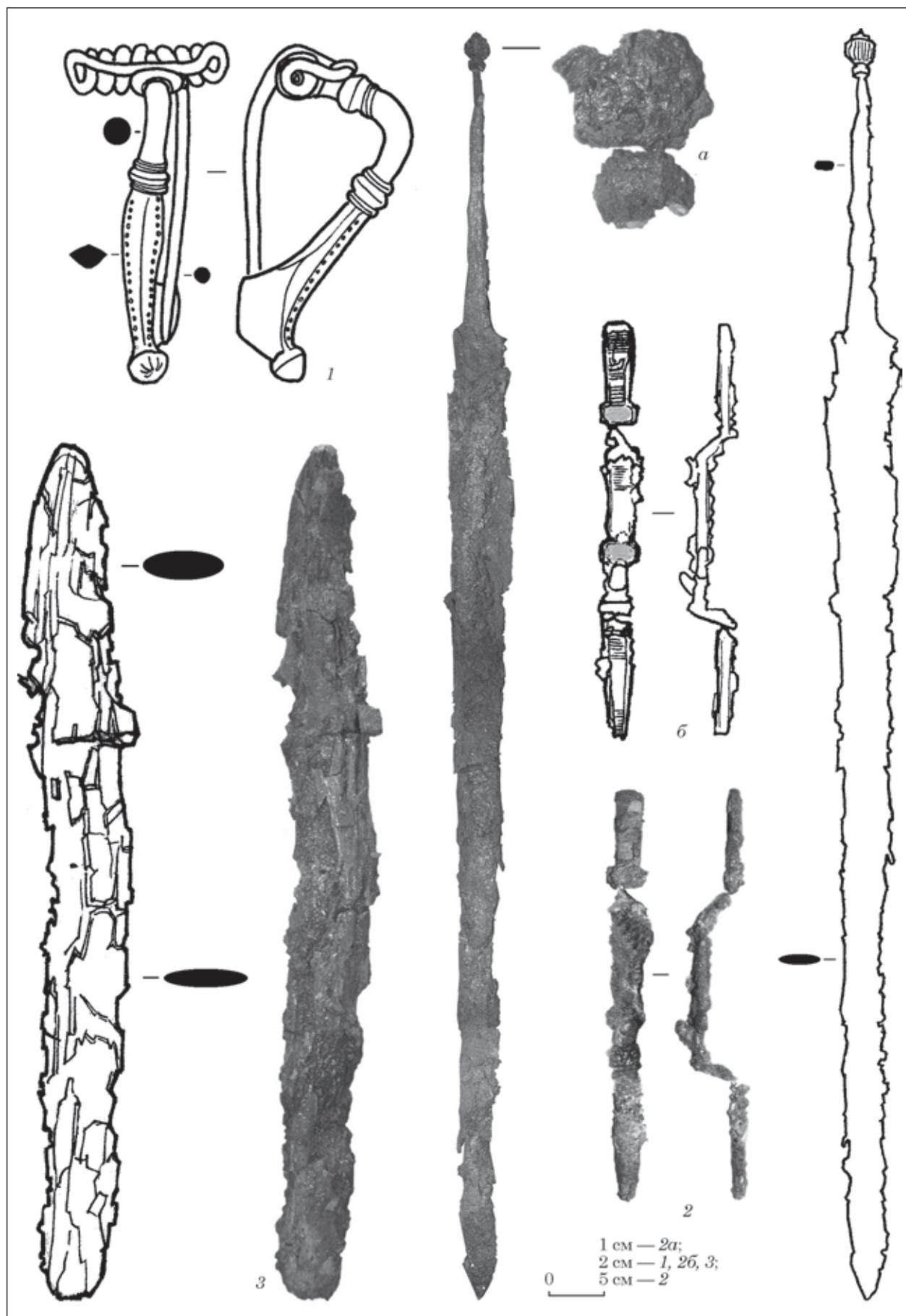

Рис. 6. Інвентарь погребения: скелет 3: 1 — фибула; 2 — меч (а — навершие; б — скоба); 3 — кинжал

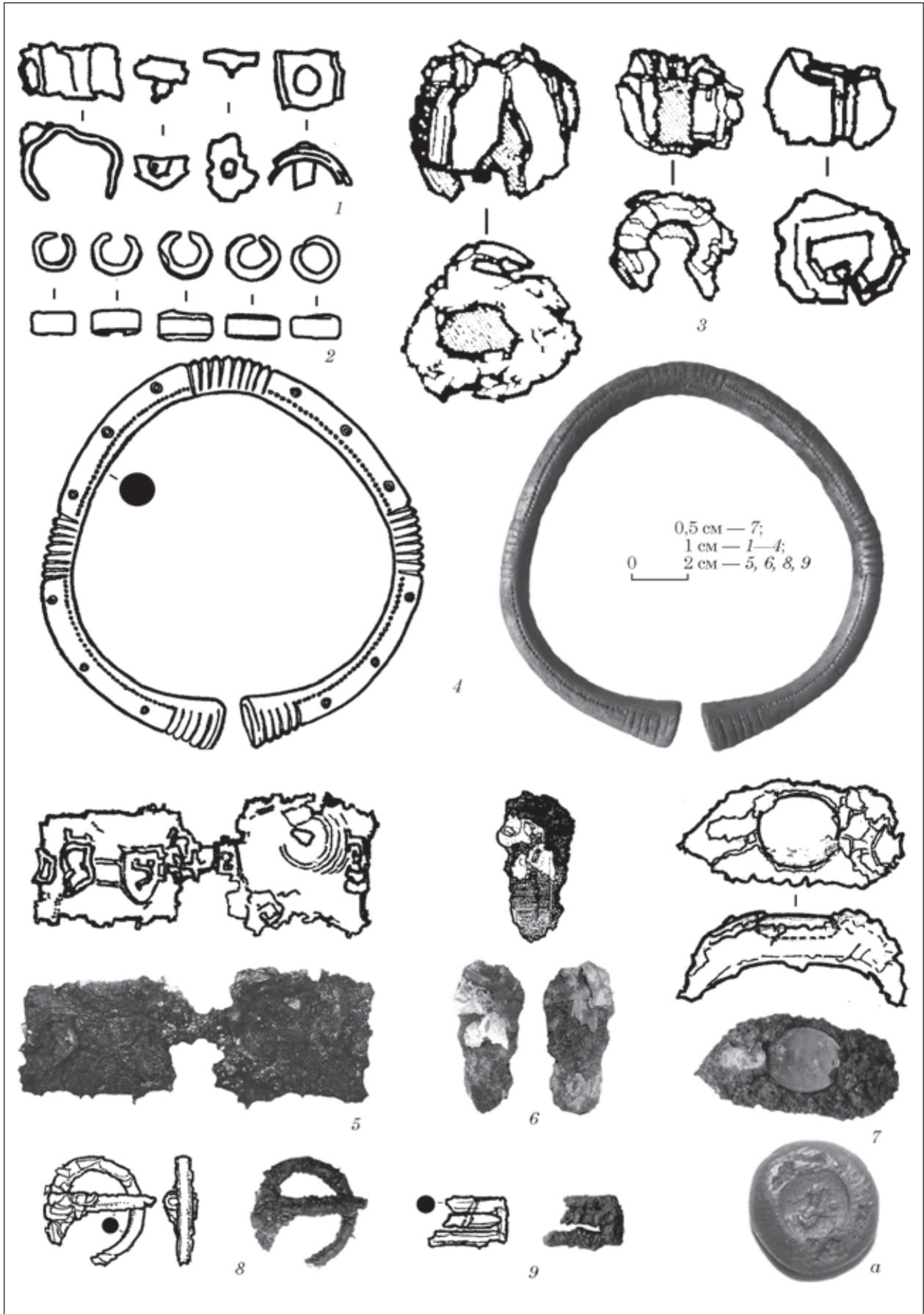

Рис. 7. Инвентарь погребения: скелет 3; 1, 2 — гарнитура плети; 3 — шайбы кинжала; 4 — браслет; 5 — застежки пояса; 6 — наконечники ремней; 7 — перстень с геммой; 8, 9 — пряжки

сечении, около пята шириной 3,8 см, с овальным острием. Пята переходит в черенок под прямым углом. Деревянная, овальная в сечении, ручка 10,5 см длиной, без навершия, с закругленной головкой. У пята расширяется, образуя гарду (рис. 5, 8; см. цв. вкл.; 6, 3). Рукоять и ножны клинка покрыты красным лаком.

4. Вдоль меча, справа, в направлении от эфеса к острию лежала бронзовая гарнитура. Она состояла из трех плоских скобок, с остатками дерева в середине, пробитых заклепками (рис. 7, 1), двух катушковидных заклепок, образованных расклепанными концами стержня (распались при реставрации) и пяти цилинд-

рических шайб с соединенными концами, диаметром 0,7 см и высотой 1 см (рис. 7, 2).

5. У острия и в районе рукояти кинжала найдены три железные, инкрустированные серебряной проволокой цилиндрические обоймы диаметром 2 см, высотой 1,3 см (рис. 7, 3).

6. Бронзовый литой браслет с расширенными незамкнутыми концами. Корпус украшен тремя точечными линиями по центральной оси и по бокам. На концах, посередине корпуса и напротив концов — четыре пояска с шестью поперечными насечками (рис. 7, 4). Диаметр браслета 7 см, сечение 0,6 см.

7. Железная гарнитура пояса:

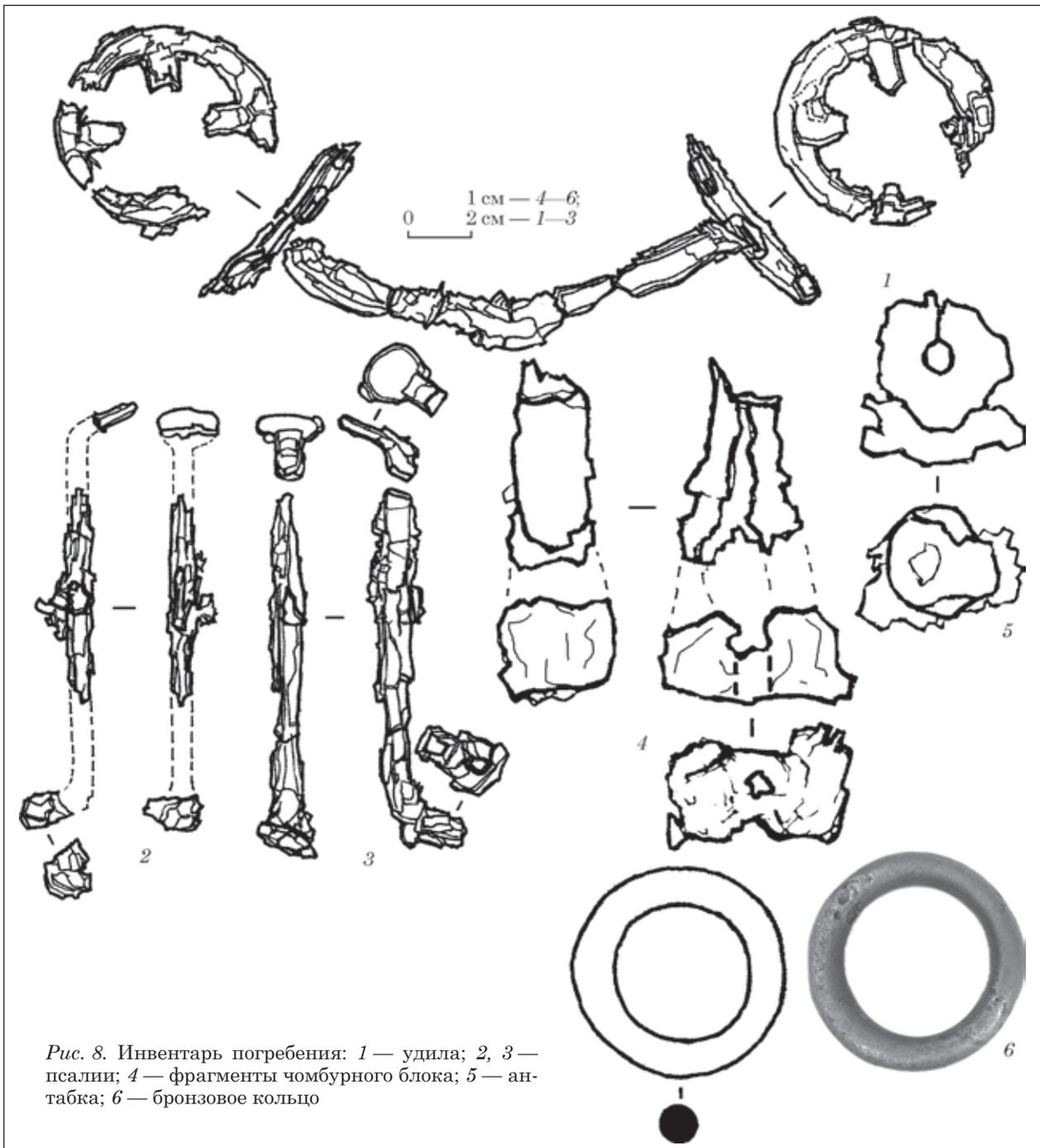

Рис. 8. Инвентарь погребения: 1 — удила; 2, 3 — псалии; 4 — фрагменты чомбурного блока; 5 — антабка; 6 — бронзовое кольцо

1) две прямоугольные поясные бляхи, одна с крючком, другая с отверстием для соединения (рис. 7, 5). На обороте — отпечатки ткани. Размеры 4 × 4,9 и 3,7 × 4,7 см;

2) два наконечника ремня подтреугольной формы, выгнутые из пластины, с перехватом перед закругленным концом (рис. 7, 6). Длина 5,5 см, ширина по верху 2,5 см.

8. Бусы:

а) гагатова бочковидная, косо срезанная бусина. Края канала плоские, хорошо обработанные. Длина сторон 9 и 16 мм, диаметр 20 мм, диаметр канала 8 мм (рис. 5, 6а; см. цв. вкл.);

б) округлая поперечно-сжатая стеклянная полихромная бусина с пятнистым орнаментом. С закраиной с одной стороны отверстия. Длина 9, диаметр 14, диаметр канала 5 мм (рис. 5, 6б; см. цв. вкл.).

Бусы у правого колена:

в) округлая поперечно-сжатая бусина из полупрозрачного темно-зеленого стекла. На поверхности прослеживаются слегка выраженные ребра. Плохой сохранности, сильно ирригирована. Длина 9 мм, диаметр 15 мм, диаметр канала 3 мм (рис. 5, 6в; см. цв. вкл.);

г) мел с отверстием, аморфно-линзовидный в сечении. Размеры 17 × 17 мм, диаметр отверстия 2,5 мм (рис. 5, 6г; см. цв. вкл.).

9. Овальный щиток железного кольца с геммой: литик из прозрачного стекла с изображением сидящей человеческой фигуры (рис. 7, 7а). Размеры 0,8 × 2 см.

10. Фрагментированная железная пряжка с кольцевой рамкой и подвижным язычком, круглая в сечении. Диаметр 4 см (рис. 7, 8).

11. Фрагментированная железная пряжка с прямоугольной рамкой и подвижным язычком, круглая в сечении. Ширина 1,8 см (рис. 7, 9).

12. Алебастровые крупные (диаметром до 30 мм) бочковидные бусины — 4 экз. Фрагментированы (рис. 5, 7; см. цв. вкл.).

13. Фрагментированные железные удила с колесовидными псалиями (рис. 8, 1).

14. Два фрагментированных железных S-образных псалия с двумя (?) петлями. Один конец псалия овальный, уплощенный, другой — овальный в сечении, с отверстием (рис. 8, 2, 3).

15. Железный чомбурный блок, от которого остались треугольная петля с отверстием в уплощенной части (рис. 8, 4) и антабка в виде пластины с отверстием, в котором свободно вращался вставленный туда стержень с круглой петлей (рис. 8, 5). Край выщербленный, все железо покрыто плотной коррозией.

16. Бронзовое литое, круглое в сечении кольцо. Диаметр 3,5 см, сечение 0,5 см (рис. 8, 6).

По своим характеристикам могила 121 не типична для погребальных сооружений поздних скифов Нижнего Днепра. Четырехугольные катакомбы — скорее, исключение среди преобладающих округлых и овальных камер. Квадратные и трапециевидные катакомбы характерны для могильников Юго-Западного

Крыма и Усть-Альминского некрополя в частности.

В Красном Маяке обнаружено два подобных погребальных сооружения: это могила 30 с вещевым комплексом конца I — II вв. н. э. и погребение 117, которое, к сожалению, было полностью ограблено в древности. К этому списку можно добавить катакомбу 1 в кургане 1 и могилу 31¹, содержавшие похожие воинские захоронения конца I — начала II вв. н. э., имеющие большое сходство с погребальными сооружениями Юго-Западного и Центрального Крыма.

Единичные квадратные катакомбы обнаружены на других позднескифских могильниках Нижнего Днепра. В Золотой Балке (погребение 94) в дощатом гробу была захоронена женщина 20—30 лет, по совокупности материалов комплекс датирован I в. н. э. [Вязьмитина, 1972, с. 85—88]. Похожие гробы массово применялись для погребений на Усть-Альминском некрополе [Высотская, 1994, с. 58]. На могильнике Николаевка это катакомба 89, ограбленная в древности. Среди сохранившихся предметов — курильница, лепной светильник, обоймы плети и золотая пронизка с продольным рифлением [Сымонович, 1969/66-67, с. 16—17].

Четырехугольные катакомбы известны также в материалах некрополя Никония. По мнению исследователей, Никоний римского времени населяли поздние скифы, мигрировавшие из Крымской Скифии [Бруйко, Дзиговский, Секерская, 2008, с. 179—180].

Такие катакомбы неизвестны на Нижнем Днепре ранее конца I — начала II в. н. э.

ОРУЖИЕ

Наконечники стрел из входной ямы ничем не отличаются от подобного оружия из сарматских погребений и относятся ко 2 и 3 типам, датированным I — первой половиной II в. н. э. [Симоненко, 2015, с. 108—118].

Узкие, ромбические в сечении *наконечники копий*, подобные найденному во входной яме, встречаются среди вооружения пшеворской культуры [Lasota, 2014, s. 151—161], в то время как поздние скифы и сарматы использовали наконечники преимущественно с линзовидным в сечении листовидным пером [Simonenko, 2001, S. 214—215; Симоненко, 2015, с. 90], типа найденного за головой скелета 1. Такие наконечники хронологически нейтральны как в позднескифских, так и в сарматских древностях.

Мечи, подобные найденному на поясе скелета 1, являются наиболее распространенным у поздних скифов видом клинкового оружия [Simonenko, 2001, S. 241]. В сарматской паноплии Северного Причерноморья такие мечи (с

1. Перечисленные погребения (кроме могилы 117) исследованы экспедицией Э.А. Сымоновича и не опубликованы.

рукоятю-штырем без металлического навершия) выделены во 2 тип, появившийся здесь в I — начале II в. н. э. и позже ставший основным оружием позднесарматских воинов [Симоненко, 2015, с. 68]. Такие клинки были широко распространены по всему Северному Причерноморью, включая территорию Боспорского царства [Виноградов, Горончаровский, 2008, с. 178].

Визуальное сходство позднескифских и сарматских длинных мечей с рукоятю-штырем традиционно считалось доказательством заимствования поздними скифами оружия этого типа у сарматов. Но в то время, когда у поздних скифов появились и бытовали такие мечи, сарматы пользовались оружием с серповидным навершием, а позже — с кольцевым. Аналогичные позднескифским мечи с рукоятю-штырем массово распространились у сарматов только с середины I в. н. э. Иными словами, к моменту начала взаимных контактов поздние скифы и сарматы были вооружены мечами разного типа.

Не исключено, что прототипом таких клинков для позднескифских оружейников стали кельтские длинные мечи [Simonenko, 2001, S. 247—248]. Три экземпляра такого оружия найдены в позднескифских погребениях II — I вв. до н. э. в Верхнетарасовке на Днепре и в мавзолее Неаполя Скифского — столицы крымских скифов. Они могли попасть к скифам от галатов — солдат корпуса Диофанта, воевавших в Крыму в конце II в. до н. э., либо во время Митридатовых войн начала I в. до н. э. Важно то, что латенские мечи, имеющие именно те черты, которые характерны для позднескифских — рукоять-штырь, длинный клинок без прямого перекрестья — хронологически непосредственно предшествуют им [Симоненко, 2016, с. 17].

В позднескифской культуре значительный процент составляют латенские вещи: помимо упомянутых мечей, это поясные наборы, пряжки, среднелатенские фибулы, лощеная керамика определенных форм. Безусловно, позднескифская культура формировалась при участии латенской традиции.

Меч, сопровождавший скелет 3, формально относится к тому же типу — с рукоятю-штырем без металлического навершия. Однако он имеет некоторые индивидуальные черты. Прежде всего, нельзя сказать, что меч не имеет навершия — оно есть, но это, скорее, фиксатор длинной деревянной ручки, который состоит из двух шайб, закрепленных на конце штыря. Такой способ крепления рукояти использовался римскими оружейниками.

Длинный черенок меча сближает его не только с китайской оружейной традицией [Безуглов, 2000, с. 177], но и с римской (см., напр. [Przychodni, 2014, s. 232, tabl. III, 1]). По размерам, пропорциям и длине черенка нашему мечу близок, например, экземпляр из Мауэрна [Kaczanowski, 1982, s. 21, rys. 4, 1]. Различие

состоит в форме пяты — у меча из Мауэрна она прямая, как у всех римских мечей, а у нашего меча переходит в черенок под тупым углом, как у сарматского оружия. Однако черенки собственно сарматских мечей такого типа более короткие и не превышают 14—15 см [Симоненко, 2015, с. 58]. Таким образом, на этом мече присутствуют и западные, и восточные элементы. Назвать его римской спатой мы не решаемся.

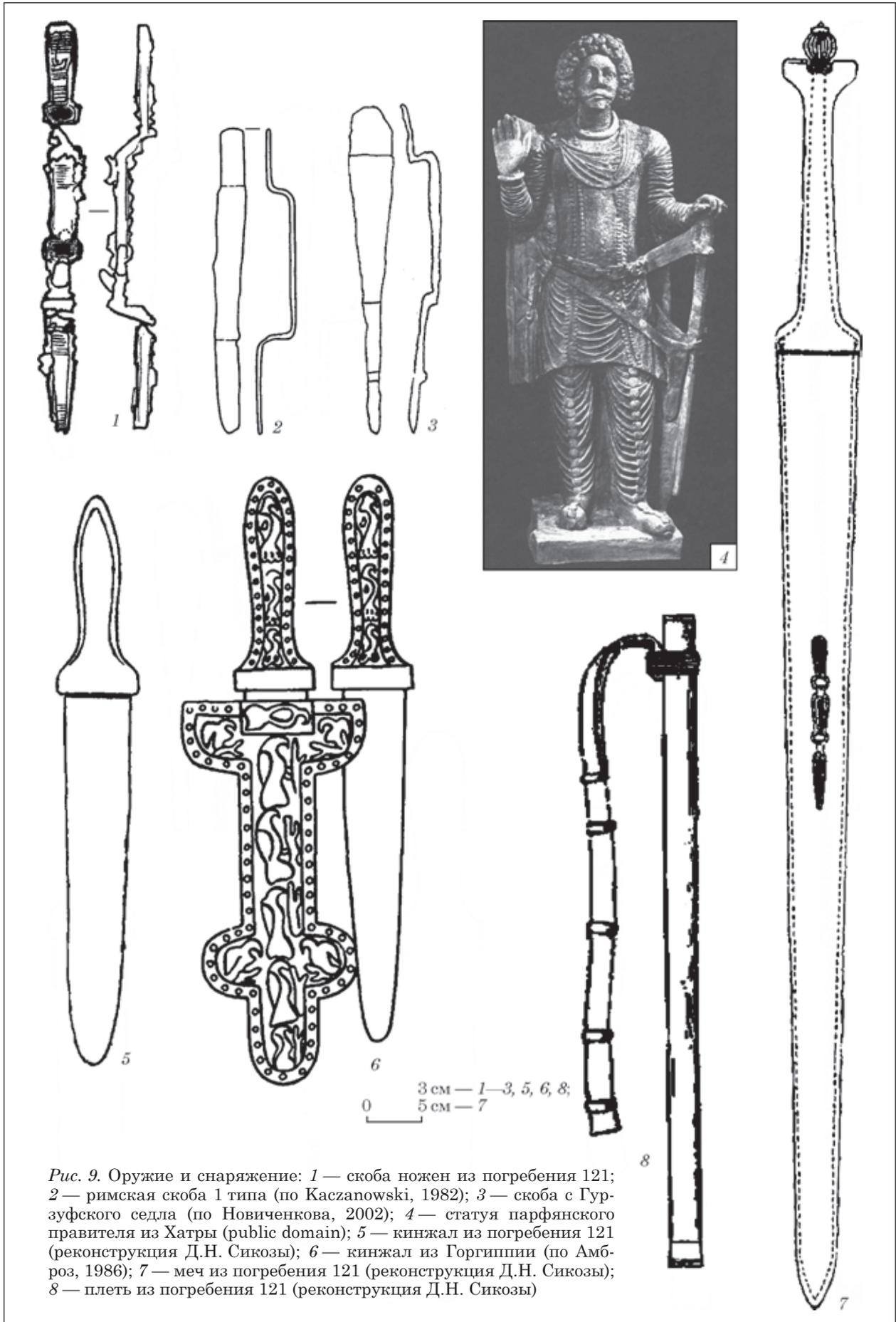
Весьма интересна «скользящая» скоба (рис. 9, 1) для подвешивания на портупее (scabbard slide V. Тросдейла, *zawieszka wsuwana* П. Качановского). Подобные скобы использовались римлянами и их соседями (галлами и германцами), начиная с I в. н. э.¹ Большое количество римских бронзовых и железных «скользящих» скоб найдено в Дура-Европос [James, 2004, p. 151—153]. По форме скоба из могилы 121 близка I типу (рис. 9, 2) классификации П. Качановского [Kaczanowski, 1982, s. 39, rys. 9, 1]. Для нашей территории это — редкая находка. Скоба подобного профиля, но с расширяющейся спинкой (рис. 9, 3) обнаружена в варварском святилище Гурзуфское Седло [Новиченкова, 2002, с. 94, рис. 46, 1]. Однако наша скоба отличается от римских изделий конструкцией и декором, хотя сделана по сходному принципу.

С. Джеймс затруднялся определить, как крепились скобы из Дура-Европос, склоняясь все же к тому, что их отогнутые концы привязывали к ножнам [James, 2004, p. 143]. П. Качановский считал, что отогнутые концы скобы заправлялись под кожаную обивку ножен [Kaczanowski, 1982, s. 39]. На нашей скобе нет ни штифтов, ни других следов механического крепления, а позолоченные медальоны рассчитаны на то, что их должны видеть. Остается предположить, что скоба привязывалась к ножнам за концы.

Она лежала рядом с мечом примерно посередине его длины. Следы на корродированном клинке позволяют установить ее первоначальное положение — ближе к середине клинка. Скобы на римских мечах, носимых на наплечной портупее, крепились ближе к устью ножен. Скобы, закрепленные ближе к середине клинка, встречаются на длинных парфянских мечах. Такое крепление, вероятно, вынуждало использовать дополнительный ремень — фиксатор рукояти, чтобы держать меч в близком к вертикальному положении, как на статуе парфянского правителя из Хатры (рис. 9, 4). Судя по расположению скобы почти на середине ножен, меч из Красного Маяка мог требовать подобного дополнительного крепления. Впрочем, это лишь вариант реконструкции.

Скоба была инкрустирована серебряной проволокой. Аналогичная инкрустация украшала металлические части узды из сарматской под-

1. Действовавшие по аналогичному принципу китайские нефритовые скобы, известные у сарматов, здесь не рассматриваются.

бойной могилы 120 Битакского некрополя близ Неаполя Скифского, датированной концом I — началом II в. н. э. [Пуздровский, Зайцев, Новиков, 1991, с. 121]. Не исключено, что количество подобных находок гораздо больше, чем мы думаем, однако коррозия железа в большинстве случаев скрывает инкрустацию.

В Центральной Европе «скользящие» скобы начали активно использоваться на развитой фазе стадии B2 [Kaczanowski, 1982, s. 39] и известны до стадии D. Основная масса скоб из Дура-Европос относится к периоду римской оккупации вплоть до взятия крепости Сасанидами в 256 г. [James, 2004, p. 143]. Однако китайские нефритовые скобы, работавшие по такому же принципу, найдены в сарматских погребениях конца I — начала II в. н. э., а в ханьском Китае были известны еще раньше [Симоненко, 2004, с. 54]. Иными словами, принцип «скользящей» скобы был известен обитателям причерноморских степей раньше, чем римлянам. Комплекс из могилы 121 по сочетанию датирующих предметов должен относиться ко II в. н. э.

Кинжал (реконструкция на рис. 9, 5) относится к типу, распространенному и у поздних скифов, и у сарматов. Очень важно, что относительно хорошо сохранилась деревянная рукоять кинжала. Близкая по форме рукоять — у кинжала из Горгиппии (рис. 9, 6), который считают изделием боспорского производства [Засецкая, 2014, с. 115].

Рядом с кинжалом были найдены железные обоймы (от ремней крепления?), декорированные в той же технике, что скоба и навершие меча. Они указывают на то, что кинжал и меч могли быть изготовлены одним комплектом.

Впрочем, место производства меча (реконструкция на рис. 9, 7) установить трудно. На нашей территории оружием подобного типа пользовались сарматы, поздние скифы, боспоряне, готы, гунны. Детали этого меча изготовлены как бы «по мотивам»: фиксаторы навершия сделаны по римскому принципу, но не являются достоверно римскими изделиями [ср. Viborski, Pkjær, 2006, S. 231—234]; «скользящая» скоба также несколько отличается от римских образцов, а прикреплена по парфянскому способу; сам клинок мало отличается от сарматских и позднескифских мечей, хотя имеет необычно длинный черенок. Создается впечатление, что мастер, изготовивший это оружие, был знаком со всеми перечисленными традициями и пользовался различными образцами. Мы не исключаем местное (позднескифское) происхождение меча.

Плеть. Такой же набор скоб и шайб сопровождал мужчин в могилах 301 и 330 позднескифского некрополя Заветное (Юго-Западный Крым) [Зайцев и др., 2007, с. 250]. Остатки древесного тлена цилиндрической формы и расположения обойм и шайб позволили реконструировать их как плети. В могиле 301 у стоп погребенного вместе с бронзовой гарнитурой лежали детали

узды. Авторы раскопок предварительно датировали захоронение I — первой половиной II в. н. э. [Зайцев и др., 2007, с. 250, рис. 3]. Подобными плетями пользовались и сарматы, судя по находке из погребения в кургане 6 у станицы Казанская, где лежал подобный набор обойм, надетый на кожаный ремешок, круглый в сечении [Волошинов, Масыкин, 2007, с. 291]. Считается, что плеть найдена в сарматском могильнике Эндред-Суйокерест в Венгрии, в погребении второй половины II — начала III в. н. э. [Vadaí, Szóke, 1983, p. 80, fig. 1].

Подобные изделия хорошо известны во всем ареале позднесарматской культуры, а также у соседних племен. Хорошо сохранившиеся экземпляры плетей происходят из могильника рязано-окского типа у с. Кораблино Рязанской области [Ахмедов, 1991, с. 146—152]. Автор статьи утверждает, что употребление этих предметов не характерно для местных племен и было позаимствовано у позднесарматского населения лесостепной зоны.

Таким образом, плети подобной конструкции (реконструкция на рис. 9, 8) использовались сарматами в первых веках н. э. (а, возможно, и раньше). Вместе с оружием сарматского круга они указывают на заметное влияние сарматской воинской культуры в позднескифской среде.

ФИБУЛЫ

Все фибулы из погребения 121 относятся к группе 10 сильно профилированных фибул с бусинами на дужке по классификации В.В. Кропотова. На *скелете 1* найдена застежка III (нижнеднепровской) серии этой группы, датирующаяся в целом II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 248]. На *скелете 2* обнаружена фибула 1 варианта I серии (дунайской). Дата таких фибул — вторая половина I — начало II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 226]. На *скелете 3* найдена фибула 2 варианта I серии (дунайской), датированной II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 226]. Сочетание датировок фибул предполагает II в. н. э. как дату могилы 121.

БУСЫ

При определении бус использована классификация Е.М. Алексеевой.

На шее *скелета 1* найдены следующие бусины: цилиндрическая ребристая бусина из глухого белого стекла типа 142 I — II вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 71], сферическая бусина из бирюзового египетского фаянса типа 3г этого же времени [Алексеева, 1975, с. 31], округлая поперечно-сжатая бусина из голубого египетского фаянса со слегка намеченными насечками, которые имитируют дольки типа 16д второй половины I — II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 34—35]. Полихромная округлая поперечно-сжатая ребристая бусина из темно-зеленого стекла со

светло-желтой спиралевидной полосой типа 2206 гораздо более ранняя, IV — III вв. до н. э. [Алексеева, 1978, с. 45] и представляет в этом наборе раритет. Меловая бусина неправильной бочковидной формы условно отнесена к типу 2 с широкой датировкой: V в. до н. э. — II в. н. э. [Алексеева, 1982, с. 29]. Наиболее вероятная дата набора — II в. н. э.

При скелете 2 обнаружены цилиндрическая ребристая бусина из глухого белого стекла типа 142 I—II вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 71], две цилиндрических ребристых бусины из глухого синего стекла типа 150 первых веков н. э. [Алексеева, 1978, с. 71] бронзовая ребристая бочковидная бусина типа 17 I—II вв. н. э. [Алексеева, 1982, с. 24], округлая голубая ребристая фаянсовая бусина типа 16б с широкой датой III в. до н. э. — первая половина II в. н. э. [Алексеева, 1975, с. 33—34]. Наиболее вероятная дата набора — II в. н. э.

На шее скелета 3 найдены гагатовая бочковидная бусина типа 2г I—II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 10—11] и округлая поперечно-сжатая стеклянная бусина с пятнистым орнаментом типа 13, I—IV вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 57—58]. У колена лежали округлая поперечно-сжатая ребристая бусина из полупрозрачного темно-зеленого стекла типа 150 первых веков н. э. [Алексеева, 1978, с. 71] и подвеска из мела типа 14 II в. н. э. [Алексеева, 1982, с. 30]. Наиболее вероятная дата набора — II в. н. э.

Среди остатков уздечного набора найдены разрушившиеся алебастровые бусы типа 5, распространенные в I—II вв. н. э. [Алексеева,

1982, с. 29]. Традиция украшения оголовья крупными бронзовыми или каменными бусинами (скорее всего, пришитыми к налобному ремню) существовала у сарматов и поздних скифов. Одна из самых известных находок такого рода — т. н. погребение аланского военачальника у ворот Неаполя Скифского [Шульц, 1957, с. 76; Высотская, 1979, с. 201—203; Зайцев, Мордвинцева, 2007, с. 81—108].

БРАСЛЕТ

Браслет не имеет прямых аналогов, но по своим характеристикам (включая единичность в могиле) близок т. н. царским браслетам из могил сарматской аристократии [Симоненко, 2012, с. 213]. Такие золотые браслеты — массивные, круглые в сечении, с расширенными концами (рис. 10) — находят обычно в сарматских мужских захоронениях I — начала II в. н. э. по одному, как правило, на правой руке. Они известны в погребениях конца I в. н. э. у Порогов и Весняного в Украине [Симоненко, Лобай, 1991, с. 24, 56, рис. 14, 6, фото 21; Симоненко, 2012, с. 213], в Никольском могильнике (п. 12) в Поволжье [Засецкая, 1979, с. 110, рис. 21] и у ст. Тифлисской (п. 15) в Прикубанье [Гущина, Засецкая, 1994, с. 58, табл. 27, 265]. Подобные браслеты происходят из комплексов этого же времени некрополя Тилля-Тепе в Северном Афганистане [Sarianidi, 1985, p. 239, 242, 253, 256, 260]. Такой же браслет (рис. 10, 5) якобы из Керчи (скорее всего, купленный там) хранится в Британском музее [Germanen, 1988, S. 108,

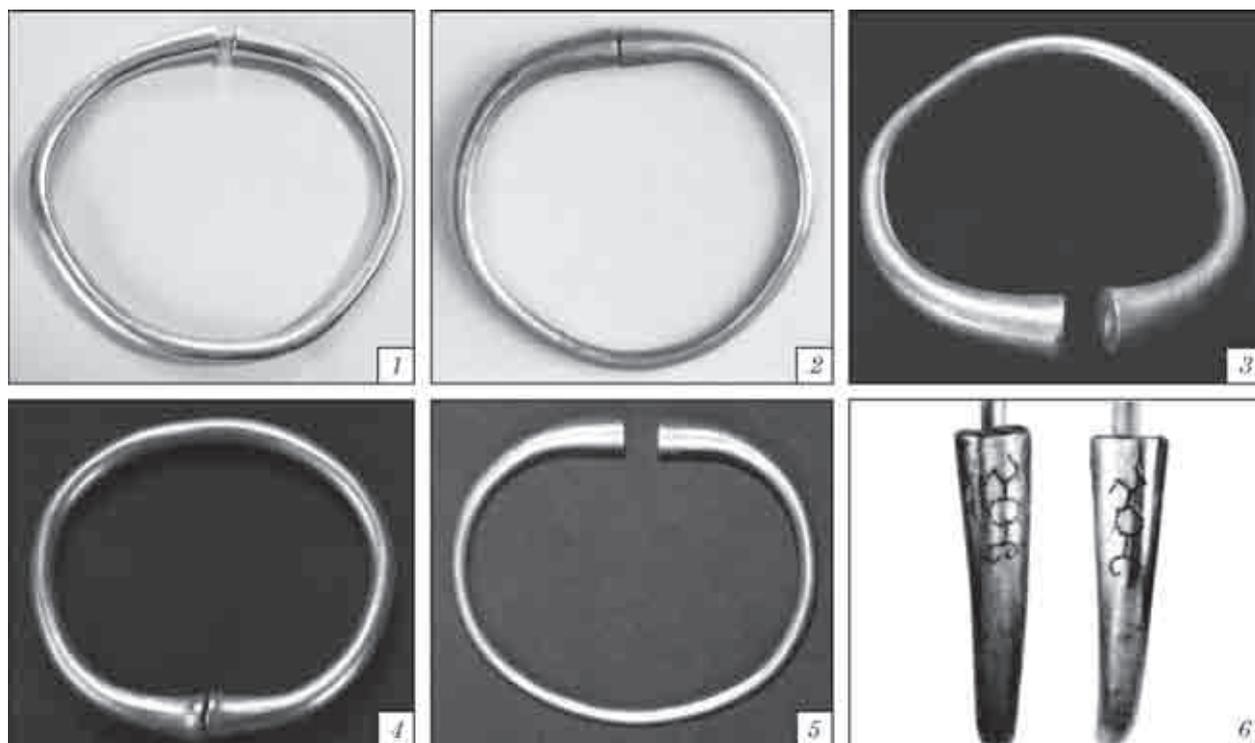

Рис. 10. Сарматские «царские» браслеты (по Симоненко, 2012): 1 — Весняне; 2 — Тифлисская; 3 — Никольский могильник; 4 — Пороги; 5, 6 — Британский музей

Abb. 1, 14c]. Судя по тому, что на его концах нанесены тамги схемы Инисмея (рис. 10, б) конца I в. н. э., он датируется именно этим временем.

Исходя из статуса могил, у сарматов это был знак принадлежности к высшему социальному рангу. Показательно, что в Западной Европе в позднеримское время подобные браслеты (kolben armlets) носили вожди германских племен высшего ранга — *princes*. К. фон Карнап-Борнхайм считает сарматские браслеты с расширенными концами прототипами германских [Lund Hansen, 2001, p. 158—163].

Наш браслет — той же формы, однако он бронзовый и орнаментирован, в отличие от гладких золотых сарматских «царских» браслетов. Браслеты такой формы (тип V по Т.Н. Высотской) хорошо известны у поздних скифов Крыма, однако здесь все экземпляры бронзовые, лишь один плакирован золотом [Пуздровский, 2007, с. 150]. Скорее всего, поздние скифы, как и германцы, заимствовали браслеты этого типа у сарматов — в это время подобных браслетов нет ни в одной другой культуре. В могиле 121 браслет хорошо сочетается с общей сарматской окраской инвентаря.

ПОЯС

В железных пластинах, найденных на тазу, нетрудно узнать застежки статусного хунно-сарматского портупейного пояса со свисающими ремешками с металлическими наконечниками. Такие пояса с пряжками, сделанными из золота, бронзы или железа, плакированного золотой пластиной, часто украшенными вставками драгоценных камней или бирюзы, характерны для захоронений хуннской и сарматской знати [Симоненко, Лобай, 1991, с. 14—23, 49—52; Симоненко, 2010, с. 395; Brosseder, 2011, p. 349—351]. Замечательными образцами китайского и сарматского ювелирного искусства являются золотые пряжки таких поясов из Сибирской коллекции Петра I в Государственном Эрмитаже или из царского захоронения в Порогах на Днестре. Хунну и сарматы носили подобные пояса со II в. до н. э. по середину II в. н. э. Пояс этого типа впервые встречен в позднескифском некрополе и вместе с остальными находками сарматского круга из могилы 121 указывает на тесную связь обеих культур на Нижнем Днестре.

ПЕРСТЕНЬ С ГЕММОЙ

Подобные перстни не являются редкостью в сарматских и позднескифских захоронениях и трактуются некоторыми исследователями как амулеты-апотропеи [Высотская, 1976, с. 70]. Недавно аналогичная вещь найдена в могиле 32 Краснозоринского некрополя (Бахчисарайский р-н, Крым). Захоронение датировано второй половиной I в. н. э. [Волошинов, Масыкин, Неневоля, 2007, с. 309].

СЕДЛО

Кожаный тлен в ногах мог быть чехлом на подушки мягкого или полужесткого [Степанова, 2015, с. 421] седла. Так трактуют подобные находки из кожи и войлока, зафиксированные в 7 погребальных комплексах некрополя Глиное (Приднестровье). Они были найдены *in situ* на спине коня в захоронении 68/1 вместе с полным уздечным набором, а также в ногах мужского скелета погребения 97/1, где прослежен кожаный тлен седла, размерами 40 × 45 см, поверх которого находились предметы узды: удила, псалии, трензельные кольца, налобник и др. [Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 793—794, рис. 414].

УДИЛА

Несмотря на плачевное состояние, в них легко узнать удила с колесовидными псалиями, которые бытовали у сарматов и меотов в I—II вв. н. э. (тип 3 сарматских удил по [Симоненко, 2015, с. 236—238]). В Красном Маяке остатки таких удил были найдены Э.А. Сымоновичем в 1977 г. в могиле 31, находившейся около 250 м к западу от могилы 121 [Сымонович, 1977/174, с. 20].

* * *

На основе найденного археологического материала была выполнена реконструкция убора погребенного воина (скелет 3) (рис. 11). Приведенные в статье аналогии помогли уточнить положение несохранившихся кожаных элементов поясной гарнитуры, креплений меча и кинжала. Формы деревянных рукоятей и перекрестий зафиксированы по четким следам тлена во время расчистки погребения. На основании этих данных сделаны графические реконструкции внешнего вида кинжала (рис. 9, 5) и меча (рис. 9, 7).

Примечательно, что в I в. н. э. какая-то часть сарматов входит в состав населения позднескифских городищах Крыма и Нижнего Днестра. Аналогичные процессы происходят и на меотских городищах [Лимберис, Марченко, 2012, с. 144—154]. Сарматские черты в позднескифских могилах прослежены в Крыму, в частности, в захоронениях Усть-Альминского могильника, синхронных могиле 121 Красного Маяка [Пуздровский, 2007, с. 105, 199]. В рассматриваемом погребении 121 сарматскими являются облик вооружения и характерный браслет с расширяющимися окончаниями. В 2011 г. в склепе 114 могильника Красный Маяк была обнаружена костяная пиксида с сарматскими тамгами [Симоненко, Сікоза, Дзনেладзе, 2015, с. 21, рис. 12, 3]. Исследователи отмечают сарматизацию в I — начале II вв. н. э. позднескифской культуры, указывая на ряд изменений в уборе и погребальном обряде (подробнее см. [Храпунов, 2004]).

Во второй половине I в. н. э. заметно сократилась численность населения в Северо-Западном

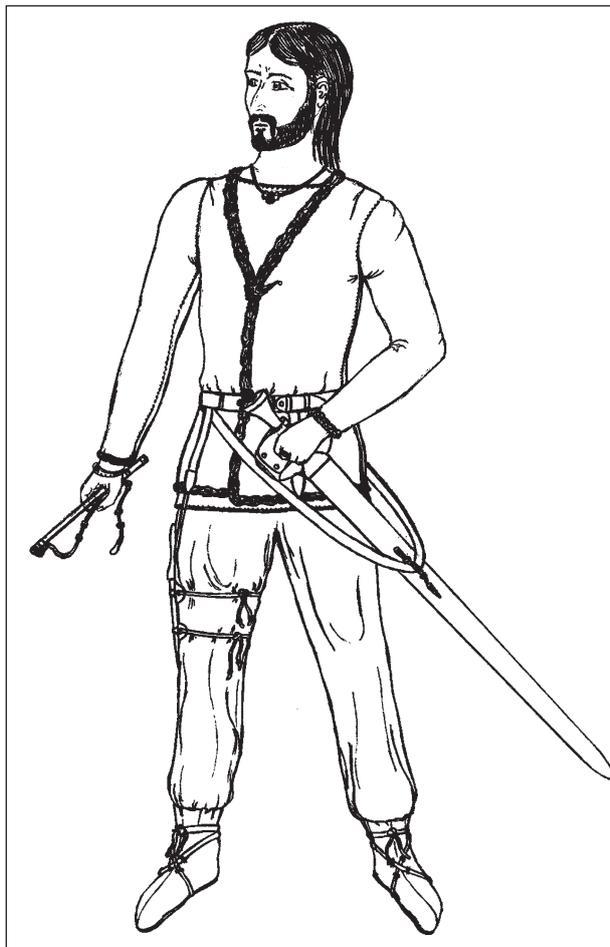

Рис. 11. Внешний вид воина из погребения 121 (реконструкция Е.С. Дзюладзе и Д.Н. Сикозы)

и Юго-Восточном Крыму. Эти события связывают с нестабильной политической ситуацией и многочисленными военными действиями, проходившими на данной территории во второй половине I — начале II вв. н. э. [Пуздровский, 2007, с. 89]. Слой разрушения и пожара на Усть-Альминском городище В.М. Зубарь связывал с походом Тиберия Плавтия Сильвана [Зубарь, 2003, с. 166].

Такие события могли послужить причиной для миграции крымского позднескифского населения к сородичам — на Нижний Днепр или в Подунавье-Поднестровье [Шукин, 1989, с. 80]. Возможно, маркером этой миграции и являются нетипичные погребения в четырехугольных катакомбах Красного Маяка, Золотой Балки и в некрополе Никония. Этнокультурный синкретизм погребального обряда таких камер не позволяет однозначно относить погребенных там людей к сарматам или поздним скифам. В качестве одной из версий можно предположить, что в I—II вв. н. э. нижнеднепровские поздние скифы и сарматы сосуществовали в одном политическом объединении. Неизбежные при такой ситуации тесные культурные контакты обусловили проникновение в позднескифскую среду престижных и статусных сарматских вещей — оружия, конского снаряжения, воинских поясов, украшений.

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1975. — 95 с. (САИ. — Вып. Г 1-12).
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1978. — 104 с. (САИ. — Вып. Г 1-12).
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1982. — 104 с. (САИ. — Вып. Г 1-12).
- Амброз А.К. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // СА. — 1986. — № 3. — С. 28—35.
- Ахмедов И.Р. Плетни из могильника у с. Кораблино // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. — М., 1991. — С. 146—152.
- Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. — Ростов-на-Дону, 2000. — С. 169—193.
- Бруяко И.В., Дзиговский А.Н., Секерская Н.М. Никоний римской эпохи. — Одесса, 2008. — 224 с.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI до н. э. — середина III в. н. э.). — СПб, 2008. — 348 с. (Тр. ИИМК. — Т. XXV).
- Волошинов А.А., Масыкин В.В. Погребение с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005—2006 гг.) // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 291—302.
- Волошинов А.А., Масыкин В.В., Неневоля И.И. Два комплекса с римскими импортами из Краснозориноского некрополя // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 303—318.
- Высотская Т.Н. Культы и обряды поздних скифов // ВДИ. — 1976. — № 3. — С. 51—73.
- Высотская Т.Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. — К., 1979. — 207 с.
- Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. — К., 1994. — 207 с.
- Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. — К., 1972. — 192 с.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье — СПб, 1994. — 172 с.
- Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнельт Э. и др. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) I — III вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 249—290.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Элитный некрополь 2 в. н. э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 81—108.
- Засецкая И.П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Тр. ГЭ. — 1979. — Т. XX. — С. 87—113.
- Засецкая И.П. Стилистические особенности трех кинжалов сарматской эпохи I в. до н. э. — II в. н. э. // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 101—118.
- Зубарь В.М. Еще раз о походе легата Мезии Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику // Исседон-Юсеев: Альманах по древней истории и культуре. — Екатеринбург, 2003. — Т. 2. — С. 155—170.
- Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. — К., 2010. — 384 с.
- Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. — Ялта, 2002. — 213 с.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища // Евразия в скифо-сарматское время. — М., 2012. — С. 144—154.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2007. — 493 с.
- Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Новиков И.И. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скиф-

ского // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1991. — С. 116—121.

Симоненко А.В. Китайские и центральноазиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья // Нижневолжский археологический вестник. — 2004. — Вып. 6. — С. 45—65.

Симоненко А.В. Богатое сарматское погребение у с. Весняное // Золото, конь и человек: Сб. ст. к 60-летию А.В. Симоненко. — К., 2012. — С. 207—226.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья: 2-е изд. — К., 2015. — 466 с.

Симоненко О.В. Пізньоскіфські «спати» — хронологія та генезис // II Міжнар. зброезнавча конф.: Тези доп. — К., 2016. — С. 15—17.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). — К., 1991. — 112 с.

Симоненко О.В., Сікоза Д.М., Дзюладзе О.С. Пізньоскіфський могильник Червоний Маяк. — Херсон, 2015. — 155 с.

Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени // Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб, 2015. — С. 389—425 (Тр. ГЭ. — Т. LXXVII).

Сымонович Э.А. Отчет о работах Тилигуло-Днепровского отряда Института археологии АН СССР и Института антропологии МГУ в 1969 г. в Николаевке / НА ИАН Украины. — 1969/66—67.

Сымонович Э.А. Отчет о раскопках Черняховской экспедиции ИА АН СССР на Украине в 1977 г. / НА ИАН Украины. — 1977/114.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное // Археологические памятники Приднестровья. — Тирасполь, 2016. — Т. III. — 1096 с.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. — Симферополь; Керчь, 2004. — 239 с. (БИ. — Вып. VI).

Шульц П.Н. Исследование Неаполя Скифского (1945—1950) // История и археология древнего Крыма — К., 1957. — С. 61—93.

Шукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. — 1989. — № 1. — С. 70—83.

Яценко С.А. Костюм Древней Евразии. — М., 2006. — 666 с.

Biborski M., Ilkjær J. Illerup Edal 12. Die Schwerter. Katalog: Tafeln und Fundlisten. — Aarhus, 2006. — 414 S. (Jutland Archaeological Society Publications. — XXV, 12).

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. — Bonn, 2011. — P. 349—424.

Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. — Nürnberg, 1988. — 628 S.

James S. Excavations at Dura-Europos, 1928—1937. — Oxford, 2010. — Final report VII: Arms and armour and other military equipment. — 304 p.

Kaczanowski P. Importy broni rzymskiej na obszarze europejskiego barbaricum. — Kraków, 1992 — 136 s.

Lasota A. Grób wojownika z cmentarzyska w Gaci, pow. przeworski. Przyczynek do studiów nad lokalnymi formami okuć tarczy w kulturze przeworskiej // Honoratissimum assensus genus est armis laudare. Studia dedukowanie Professorowi Piotrowi Kaczanowskiemu z okazji siedemdziesiątej rocznicy urodzin — Kraków, 2014. — S. 151—161.

Lund Hansen U. Gold Rings — Symbol of Sex and Rank. Necklaces and bracelets in Scandinavia and Continental Europe from the Late Roman and Migration

periods // KVHAA Konferenser. — Stockholm, 2001. — Vol. 51. — P. 158—188.

Przychodni A. Bogato wyposażony pochówek z bronią z cmentarzyska ludności kultury przeworskiej w Korytnicy, powiat jędrzejowski, województwo świętokrzyskie // Honoratissimum assensus genus est armis laudare. Studia dedukowanie Professorowi Piotrowi Kaczanowskiemu z okazji siedemdziesiątej rocznicy urodzin — Kraków, 2014. — S. 225—236.

Sarianidi V.A. Bactrian Gold from the Excavation of the Tilla-tepe necropolis in Northern Afghanistan. — Leningrad, 1985. — 258 p.

Simonenko A. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia Antiqua. — 2001. — Bd. 7. — S. 187—327.

Vadai A., Szóke B. Szarmata temető és gepida sir Endrőd-Szujókeresztén // Communicationes Archaeologicae Hungariae. — Budapest, 1983 — P. 80—132.

О.С. Дзюладзе, Д.Н. Сікоза,
О.В. Симоненко

ВОЇНСЬКЕ ПОХОВАННЯ МОГИЛЬНИКА ЧЕРВОНИЙ МАЯК НА НИЗОВОМУ ДНІПРІ

У 2014 р. Пізньоскіфською археологічною експедицією було виявлено поховання воїна-вершника в могильнику Червоний Маяк. Поховання супроводжувалося різноманітним інвентарем, серед якого особливу увагу привертає набір озброєння та рештки узди. Залучені аналогії допомогли реконструювати зовнішній вигляд воїна, його вбрання та особливості кріплення поясу, кинджалу і меча. Форма поховальної споруди і деякі речі з поховання вказують на те, що похований був не місцевим, адже такі ознаки не є характерними для пізньоскіфських поховань Низового Дніпра, проте часто зустрінуті в пізньоскіфських некрополях Криму.

Ключові слова: пізньоскіфська культура, сармати, Червоний Маяк, Низовий Дніпро, воїн, меч, озброєння, реконструкція, вбрання, костюм.

O.S. Dzneladze, D.N. Sikoza,
O.V. Symonenko

THE WARRIOR BURIAL OF THE CHERVONY MAYAK CEMETERY IN THE LOWER DNIEPER REGION

In 2014 the grave of the Late Scythian cavalryman were excavated in the Chervony Mayak burial ground. The burial was accompanied by the numerous and various grave goods among which the weapons and horse harness was of great interest. The parallels helped to reconstruct the look of the warrior, his dress and peculiarities of the fastening of belt, the dagger and sword. The form of burial construction and some items from the grave point that the buried person was not of local origin because these features are not typical of Late Scythian graves of the Lower Dnieper region but often could be occurred in the Late Scythian necropolises of Crimea.

Keywords: Late Scythians, Sarmatians, Chervony Mayak, Lower Dnieper, warrior, sword, weapons, reconstruction, attire, costume.

Одержано 01.03.2017

К статье
 Е.С. Дзnelадзе, Д.Н. Сикозы, А.В. Симоненко «Воинское погребение в могильнике
 Красный Маяк на Нижнем Днепре»

Рис. 5. Инвентарь погребения: скелет 1: 1 — фибула; 2 — бусы; скелет 2: 3 — фибула; 4 — бусы; скелет 3: 5 — фибула; 6 — бусы; 7 — алебастровые бусы в ногах; 8 — рукоять кинжала